

В. П. Бударагин

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ДМИТРИЕВ КАК АРХЕОГРАФ

Резюме

Настоящая заметка посвящена важному направлению исследовательских интересов Л. А. Дмитриева, которое не получило пока подробного освещения в воспоминаниях об ученом, — полевой и камеральной археографии. Сперва были экспедиции Л. А. Дмитриева в Карелию и на Кольский полуостров (на рубеже 1940–1950-х и на рубеже 1950–1960-х гг.), позднее — его выступления на крупных конференциях об археографической работе Древлехранилища ИРЛИ и отеческая забота об этом детище В. И. Малышева. Автор статьи делится своими воспоминаниями о Л. А. Дмитриеве как археографе, с которыми он хотел выступить на конференции в ИРЛИ к 100-летию со дня рождения ученого (2021 г.). Но выступление не состоялось и публикуется сейчас, в год 30-летия со дня смерти Л. А. Дмитриева.

Ключевые слова: Л. А. Дмитриев, археография, Древлехранилище ИРЛИ

Vladimir P. Budaragin

LEV ALEKSANDROVICH DMITRIEV AS AN ARCHAEOGRAPHER

Abstract

This article is devoted to an important area of the research interests of Lev Aleksandrovich Dmitriev, field and cameral archaeography, which has not yet received detailed coverage in the literature about the scholar. First, in the late 1940s and the beginning of the 1950s and then in the late 1950s and the beginning of the 1960s, there were Dmitriev's expeditions to Karelia and the Kola Peninsula. Later there were his reports at major conferences about the archaeological work at the Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian literature (Pushkinskii Dom) in Leningrad (St. Petersburg) and his paternal care for the Repository, a brainchild of Vladimir Ivanovich Malyshev. The author of the article intended to present his memories of Dmitriev as an archaeographer at a conference that took place

© В. П. Бударагин, 2023

at the Institute of Russian literature in St. Petersburg in 2021 on the 100th anniversary of the scholar's birth. But since the presentation did not take place, it is published now, in the year of the 30th anniversary of Dmitriev's death.

Keywords: Lev Aleksandrovich Dmitriev, archaeography, Repository of Ancient Manuscripts of the Institute of Russian literature, Drevlekhranilishе

DOI 10.31860/2712-7591-2023-2-106-108

О Льве Александровиче можно говорить в самых разных аспектах его личностного в Пушкинском Доме и филологической науке в целом воплощения. Талант исследователя, организатора науки сегодня достойно оценен коллегами и учениками. Но было еще одно, небезразличное Льву Александровичу направление его исследовательского интереса — я имею в виду археографию в ее камеральном и экспедиционном вариантах. Об экспедициях рубежа 1940—1950-х гг. с участием Е. А. Маймина и 1950—1960-х гг. совместно с А. И. Копаневым я уже рассказывал на «Малышевских чтениях» в 2011 г. Но за эти десять лет существенно обновился состав слушателей, сама же тема, я бы сказал даже, стала восприниматься более значимой и заслуживающей внимания, поскольку не была эпизодической в биографии ученого, а сопровождала его со времени первой, совместной с Е. А. Майминым студенческой экспедиции 1948 г. до выступления на заседании Отделения литературы и языка уже в статусе члена-корреспондента Академии наук по итогам археографической работы Древлехранилища за десятилетие с 1971 по 1981 г. Это не просто фигура речи — интерес к поиску первоисточников, к археографии сопутствовал Льву Александровичу на всем его многоаспектном исследовательском пути. Стоит напомнить и о его вступительном слове на открытии выставки к тысячелетию Крещения Руси. Это был своего рода прецедент, когда в Кухонном корпусе Елагина дворца оказались доступны для обозрения одновременно рукописные раритеты из фондов Библиотеки Академии наук, Публичной библиотеки и Древлехранилища им. В. И. Малышева. Именно Льву Александровичу было доверено тогда первое слово, ибо авторитет его в знании рукописной книжности Древней Руси был непреерекаем.

Основательность и скрупулезность, свойственные научным трудам Льва Александровича, не могли не запечатлеться и в его археографических пристрастиях. Достаточно вспомнить его подробные описания археографических поисковых реалий в письмах к В. И. Малышеву, чтобы почувствовать степень искренних переживаний за неудачи или мажорную тональность в повествовании о находках. Такие письма вполне заменяют экспедиционные

дневниковые записи, так у нас и не прижившиеся, а сопровождающая их фотодокументация, оставаясь для этого времени своего рода прецедентом, наглядно свидетельствует о серьезности и основательности отношения Льва Александровича к избранному ли им самим, порученному ли ему роду занятий, предмету исследования.

Сказанное относится к археографии экспедиционной, т. е. той, которая стала потом называться полевой археографией, но не менее значимы заслуги Льва Александровича в археографии камеральной, т. е. во введении в научный оборот найденного или сохраненного прежде, но оставшегося по разным причинам за пределами доступности для исследователей. Изложению подобного рода обзоров фондов необходима уже известная филологическая компетентность и талантливость повествователя. Льву Александровичу все это оказалось вполне присуще, пусть и не сразу осознаваемо. Надо было видеть, как внимательно и неторопливо рассматривал Лев Александрович очередные экспедиционные находки, чтобы осознавать легкий налет грусти от вряд ли уже возможных для него в это время поездок в северные деревни, от обретения еще не встречавшегося и такого реально зримого. Что-то было в этом отношении к реальным археографическим поискам свое, глубоко личное, так и оставшееся, быть может, не до конца воплощенным и высказанным.

В целом же отношение Льва Александровича к нашим археографическим поискам можно сравнить в эти годы даже со своего рода опекуном, чуть ностальгическим и доброжелательным. После кончины В. И. Малышева Лев Александрович как бы добровольно взял на себя ответственность за археографическую составляющую созданного Малышевым Древлехранилища, хотя официально нашим куратором был утвержден А. М. Панченко. Впрочем, оба этих замечательных ученых горевали об уходе Владимира Ивановича искренне и всерьез, оставались верны его памяти до конца своих дней. Характерно, что полагавшееся по статусу члена-корреспондента Академии наук выступление в Москве Лев Александрович посвятил археографической работе Древлехранилища за предшествовавшее тому десятилетие.

И пусть в весьма многоаспектном и жанрово многообразном научном наследии Льва Александровича археография не занимает ведущих позиций, но без нее облик ученого был бы неполон, утратил бы долю личностного, неповторимого.